

КОМПЛИМЕНТ РАБОТЕ

Рассказ

Жил Евгений, как и все вокруг. Выделялся холостяцкой жизнью, что вроде как не шло к его годам. И можно сказать, что жил он неплохо. А если не плохо, то выходит и хорошо. А если привить философию — у меня всё необходимое есть — так и вовсе сомнений быть не может.

А у Евгения все необходимое было. Деньги, небольшие, но зарабатывал. На еду хватало. Раз в год (хоть и приходилось начинать копить еще с весны) тратился на дрова с углем на (затяжную в нашем климате) зиму. Иной раз выбирался в райцентр «за покупками», побаловать себя тем, чего в поселковом магазине не было. Делал он это не то чтобы часто, но зато без особого ущерба для финансов.

О чем мечтал — то дело личное, лежит под сердцем и никого не ка-

сается, а душу греет. О чем печалился... печали, как и у всех, случались, да все, слава богу, по мелочи. А вообще-то особо хандрить и некогда. Бежит время, а с ним и сезонные заботы скоро сменяют друг друга.

Одно только огорчало Евгения сильнее прочего — хамство. От этого дела прямо бессилие наваливалось. И лежит в темноте перед сном иной раз Евгений и себя же корит: «Ну вот что я такой!» Случалось, Евгений с соседом поспорит, или Зина, продавщица в магазине, нахамит (не со зла, конечно, а так, под настроенье) — так Евгений и уйдет с согласным, и даже как будто виноватым видом. А ведь сам знает, что прав, а отойдет, подумает: «Ну прав, что с того-то. Станешь человека переубеждать, он или не поймет, или поймет, да по манере своей упираться начнет, еще больше от того озлобится». И за собой такую манеру знавал. Бывало, неправ, а все равно спорит. Потому что нельзя согласиться, тогда вроде как болваном будет выглядеть. Не страшно, что как болван перед собственной женой, но обидно, что «как болван» перед самим собой. Уж пусть лучше она дурёхой остается. По крайней мере, формально.

А если и убедишь спорщика, что не прав он, опять нехорошо выходит. Плохо человеку будет. Вроде того, как от поезда отстанешь или в лесу, в дикости заплутаешь в одиночестве — и тошно, и обидно, и одиноко...

«Неплохой ведь человек, — думал, наконец, Евгений. — А там, бог даст, и сам сообразит». Да с тем и засыпал.

Как-то встретил Евгений поселковую учительницу (вела она в местной школе младшие классы, а после ученики уезжали в интернат в райцентре), разговорились. Вспомнилось, как сам учился в этой школе. И захотелось что-нибудь сделать для школы, или для Светланы Ивановны, или для ребят.

Когда Евгений пришел домой, он вдруг подумал о том, как в старших классах увлекался резьбой по дереву, в памяти проявилось, как фотография, харизматичное лицо руководителя кружка. «Вспомнят ли руки?» — подумалось Евгению.

Евгений нарезал с десяток болванок, долго искал инструмент, заброшенный на многие годы, что называется, в дальний угол. Потом никак не мог начать, не знал, как подступиться. «Нетрудно сделать, трудно придумать», — говорил когда-то наставник. И действительно так — не было в голове четкого образа, так только... общие черты. Ну а коль нет в голове — откуда же в руках взяться?

Начал резать. Осторожно, неуверенно и нетвердо, оттого, наверное, сразу пошли задоринки и сколы. Но, провозившись до полуночи, кое-как «сваял».

Уставший и возбужденный долго лежал в темноте, не мог уснуть.

На службе Евгений томился ожиданием конца рабочего дня. Мысленно спешил домой, поскорее взяться за резец. Появился в мыслях более или менее четкий образ того, что должно выйти и более или менее ясное представление того, как это сделать. Во второй вечер в движениях вдруг появились уверенность, смелость, и дело пошло скорее.

За два вечера трудов вышло четыре фигурки животных. Евгений расставил их на столе. Поднявшись утром с постели, он остановился на них долгим взглядом, тяжело вздохнул и начал собираться на работу. Пока ходил по дому, все бросал взгляд на стол.

На работу шел тяжело. Сам весь хмурый, задумчивый. Все одно в мыслях крутилось — ведь не то задумывал, не такими должны были выйти игрушки. И дело не в том, что грубоваты. Это ничего, это поправимо. Но ведь совсем не то вышло, что думалось, что загадывалось, хотелось.

Вернулся Евгений вечером домой, взглянул на все еще расставленные на столе поделки и принялся за новую болванку. Теперь резал не торопясь, часто прерывался и вглядывался в линии. Закончив, выставил новые работы рядом с работами предыдущих дней. Посмотрел, остался доволен. С тем и лег спать.

Утром подходил к столу с опаской. Вчера остался доволен, а сегодня для свежего взгляда вдруг опять *не то*? Подошел. Всмотрелся, решил: «Могу лучше. Следующие, скорее всего, и будут лучше». Но без лукавства приглянулись ему вчерашние работы. Потому на работу шел в хорошем, приподнятом настроении. Позади, над горизонтом поднималось солнце. Обнимая Евгения за плечи, солнце очертило на земле длинную тень его. В душе волновалось могучее, исполинское, как эта тень под ногами, радостное — я могу!

Еще через пару дней он закончил работу. В комнате на столе толпились фигурки: разные животные и несколько сказочных персонажей. Евгений выбрал из них наиболее удачные, вынес во двор и любовно принялся покрывать их лаком. Был доволен.

На другой день Евгений отнес их преподавателю.

— Авось да пригодятся, — говорил.

— Где ж вы их достали только?

— Был у нас в школе когда-то кружок резьбы по дереву. Оказалось, руки помнят.

— После стольких лет? — Удивилась Светлана Ивановна, но приняла фигурки.

«Не поверила... — с улыбкой подумал Евгений. — Ну да и что ж мне с того, главное, я знаю. А неверие — это комплимент работе».

ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ

Рассказ

Сергей вошел в вагон и занял место у окна. Он глядел на людей на перроне и думал: «Ну вот, минут 40 дороги, потом еще пять-десять до парка и, наконец, снова Лена будет рядом».

А еще думал о том, что ему давно не восемнадцать лет (а уж без малого в два раза больше), и такие отношения, когда мотаешься на свидания к любимой в чужой город на несколько часов, уже ему ни к лицу, ни к возрасту. Вот сегодня, думал он, все и решу. А что, сделаю предложение, осмелился он вдруг. Неужели не рада будет, неужели ей самой такое положение нравится? Конечно, не все решается сразу... но и в таком случае это просто вопрос времени.

Пока Сергей думал об этом и так, и эдак, приглядываясь то с одной стороны к вопросу, то с другой, поезд добрался до конечной, до станции Ельцы, где и должна была состояться встреча Сергея и Лены.

Торопливо поскрипывая снегом парковой дорожки, Сергей издали увидел свою Лену. На ней была белая шубка, отгонявшая сумерки, путающиеся в ветвях деревьев.

Сергей подошел, обнял и поцеловал Лену.

— Замерзла? Давно ждешь, — говорил, увлекая ее за собой к выходу из парка.

— Подожди. Слушай...

— Что?

— Сегодня ничего не будет... Я решила, сегодня мы расстанемся. Будь на твоем месте кто другой, не такой, как ты, я бы просто не пришла и все. Но ты хороший, поэтому я решила встретиться и все сказать тебе прямо.

— Знаешь, я все понимаю. Я и сам сегодня, да и вообще все последнее время, думал о нас. И как раз собирался сказать тебе... вернее предложить... Во-первых, переезжай ко мне, а во-вторых, давай поженимся.

— Поженимся? — Лена удивленно посмотрела на Сергея.

— Ну да. Конечно. Что тебя так в моих словах удивляет?

Тревожные настроения в голосе и чертах лица Лены исчезли. Она вдруг легко-легко рассмеялась.

— Вот новость, удивил — поженимся. Ну какой ты муж? — Лена снова засмеялась и продолжила: — Знаешь, даже если б я и рвалась стать чьей-то женой, то, уж прости, за тебя бы не пошла.

Лена отступала от Сергея, продолжая на него смотреть с улыбкой.

Сказала: «Зря я пришла, прости». Развернулась и направилась к выходу.

Ошарашенный Сергей какое-то время бродил по парковым дорожкам. Тем временем стемнело, ближе к выходу из парка зажглись редкие фонари. Опомнившись, Сергей пошел уж было на вокзал, но его окликнули. Двое мужчин подошли к Сергею, один – слева, другой – справа, и начали:

— Слушай, дружище, не найдется лишних копеек? — левый легонько взял Сергея за рукав, чуть потянул, разворачивая к себе лицом. — Мы, понимаешь, тут с приятелем решили посидеть, а вот чутка не хватает.

— Да нету у меня... лишних тем более.

Правый, оказавшийся теперь позади Сергея, схватил его за плечо и, развернув к себе, дал прямо кулачищем в нос. Неприятно хрустнуло, и сразу пошла кровь. Тут же снова развернул к себе левый. От удара в глаз стало темно, но как будто не в глазах, а внутри головы. Хотя падения Сергей не почувствовал, через мгновения понял, что лежит на земле. Недолго буцкали ногами, но долго и суетно возились с карманами. Сергей попытался оттолкнуть руку, шарившую по карманам, получил в челюсть и вскоре остался на дорожке один.

Сергей поднялся. Боли, в общем-то, не было. Так, слегка. Но чувствовалось, как быстро растет отек вокруг глаза. Неприятно стягивала кожу намерзшая на щеке кровь. Пока шел к выходу из парка, отковыривал ногтем кровь с кожи, потом прикладывал снежок к глазу.

Только когда пришел на вокзал, подумал о том, что дальше. Поезда обратно в родное Мирное нет, не рассчитывал Сергей возвращаться так рано. Заходить в здание вокзала тоже не хотелось, думалось: «Ну и рожа у меня, наверное, сейчас». Лицо ощущалось расплывшейся лепешкой, разболелись нос и глаз.

— Эй, ты... — верно подозревая в свой адрес, услышал Сергей.

«Неужели опять? Ну теперь я им хрен дамся, — Сергей обернулся. — Снова двое, удивительный город, поодиночке здесь, видно, только я околачиваюсь».

Подошедшие оказались из линейного отделения.

— Что здесь делаем?

— Поезд жду.

— Какой?

— В Мирное.

— А документы у тебя есть?

Сергей достал паспорт. Мельком пролистав, служители порядка документы вернули.

— На Мирное только утром электричка. Вообще шел бы ты отсю-

да, нечего тут, с такой харей, — с сознанием выполненного долга на лицах вальяжно пошагали в сторону вокзала.

Холод поджимал, а стрелки вокзальных часов, точно тоже коченея, едва передвигались над циферблатом. Около часа минуло, когда замерзающий Сергей все-таки поплелся к вокзалу. В это время к перрону подкатил пассажирский поезд, следующий в сторону Мирного.

Народ из вагонов не выходил, час хотя был непоздний, однако и ларьки на перроне, и привокзальный буфет уже были закрыты. Высунулись было пара курильщиков, да холод быстро загнал их обратно в вагон.

Сергей неуверенно подошел к стоящей у вагона проводнице.

— До Мирного не возьмете? В получасе езды.

— Как я тебя возьму-то без билета? — Помолчала. — Деньги-то у тебя есть? — «Хм, были б у меня деньги, мерз бы я тут». — Да вижу, на физиономии написано, что нету. Что ж я вас всех на свою зарплату катать должна! Иди, давай, пока сопровождение не вызвала.

После такого теплого приема Сергей снова не пошел на вокзал, а развернувшись, поплелся вдоль перрона. Вскорости пассажирский тронулся и пополз, прихватив последние надежды Сергея: надежду на шанс вернуться сегодня домой, надежду на сочувствие и человечность.

В отдалении от перрона, на соседних путях, в потемках стояли грузовые вагоны, цистерны, кофры. Они стали снова видны, когда отошел пассажирский поезд.

С гулким бряком, пробежавшим по всей цепочке состава, один из грузовых поездов пришел в движение. Он медленно набирал скорость, и вдруг из потемок на перроне рывком скользнула по путям маленькая фигура и шустро взобралась на площадку переходного мостика вагона.

В неконтролируемом, спонтанном порыве Сергей метнулся следом. Пока он, вовсе не по-молодецки, перемахивал через рельсы и снежные наносы, состав изрядно набрал скорость. На последнее рывке, в разгоревшемся диком азарте, Сергей, рискуя оказаться под колесами, ухватился за поручни и взобрался на площадку.

Только оказавшись на площадке, почувствовал, как бешено у самого горла заходится сердце. Попытался дышать медленнее и тем присмирить скачку сердечного ритма. А состав тем временем разогнался и рвался вперед. Ледяной резкий ветер драл раненное лицо, жег горло, перехватывал дыхание. Но сердце понемногу успокоилось, отступило от горла. Под оглушительный стук колес появились радость, мальчишеское веселье. В скачке мыслей и нервов Сергей подумал о той фигурке, вслед за которой он вскочил на поезд. Попутчик, вероятно, как и Сергей в грохоте звука и колкости ветра, уцепился за поручни и также тревожился на несколько

вагонов впереди. От того, что он, Сергей, не один, а с неизвестным попутчиком, было приятнее, как-то спокойнее и веселее.

Не доезжая Мирного, поезд встал на каком-то полустанке. Вокзала здесь не было. Пассажирская платформа если и была, то, вероятно, где-то впереди, в «голове» состава. Сергей глянул из-за угла вагона — кругом ни души. Он спустился с площадки и пошел вдоль состава. Прошел несколько вагонов вперед, потом вернулся немного назад — никого. Тогда он стал тихонько звать своего попутчика. Тот долго не отзывался, видно, опасался, и только когда состав снова вздрогнул движением, подал голос. Сергей взобрался к нему на площадку.

На одном из перегонов поезд сбросил скорость и едва тащился, лениво перестукивал колесами. Ветер теперь не жег лица, грохота стало меньше, и молчать стало как-то неловко.

Попутчиком Сергея оказался мальчишка. Было темно, и сколько тому лет не разглядеть, но, едва взобравшись на площадку, Сергей сразу заметил: «Что-то уж больно маленький».

— Давно ты так путешествуешь? — спросил Сергей.

Мальчишка отозвался не сразу:

— Дня три, наверное. Не знаю, не считал. А тебе-то какое дело?

— Да ты не бойся, это я так — для разговора, чтоб веселее ехать было. А то, сам видишь, едва ползем.

— Вот еще — бояться, — возмутился мальчишка.

— Далеко тебе еще добираться?

Мальчишка назвал какой-то городок. Сергей выспрашивал у мальчишки ориентиры. По ним выходило, что цель путешествия более чем в сотне километров.

— Слушай, ты не маловат для таких странствий?

— Не маленький. Да и что ж, когда надо ехать.

— А что тебе там, что за дело?

— Дом там. Мамка да братья.

— А тебя как же занесло так далеко от дома?

— Известно как... приехали инспекторы, с милицией. Я сразу-то... надо было мне сразу тикать.

— Как звать-то тебя?

— Шуркой. Александром то есть.

Помолчали.

— Знаешь что, мне до дома недалеко, как говорится, уже рукой подать. Пошли со мной, ведь который день маешься-мерзнешь, да и голодный. А там что-нибудь решим.

— Нет. Не пойду.

— Почему? Передохнешь, а там, глядишь, и я чем помочь смогу.

— Поймают. — Уверенно сказал мальчишка. — Или сдашь в отделение.

— Да не сдам, не сдам. Ничего не придумаем, так хоть денег дам. Без средств-то, я теперь на своей шкуре знаю, тяжело.

Все же договорились, сошлись. А после уж почти и не разговаривали. Поезд снова поехал скорее, и шум колес глотал слова, а ветер снова жег лица.

Не доезжая Мирного, прежде остановились в сортировочном. Станция крупная. Длинные перроны,людно, несмотря на ночной час. Много света. Помалкивали, жались в тень, когда между вагонами показались две фигуры. Один невысокий, коренастый, яркий жилет со светоотражателями поверх телогрейки. Второй высокий, в шинели. Выхватил из полумрака светом фонарика Сергея: «А ну слазь!»

Не торопясь, надеясь, что Шурка сообразит соскочить на другую сторону пути, спустился и зашагал в сторону города. Отошел на несколько шагов, как позади раздалось:

— Эй, стой, — оглянулся — ему, Сергею. Шурка-то, видно, все-таки «ушел». Отвернулся и зашагал себе дальше. Но Жилетка догнал, маханул кулачищем в верхонке, да смазал. Но обезболенный морозом нос задел, растревожил. Обернулся Сергей, не целясь, сунул кулаком в физиономию, да так удачно по сопатке попал, что Жилетка согнулся, поливая ночной снежок алым. («Ишь, ты, — подумалось Сергею, — накопил злобы на побоях»). Громко, зло заматерился Жилетка. На ругательства подбежал и Шинель. Вломил с размаху чем-то твердым и сбил с ног. Вторично за ночь отпотчевали Сергея ногами, Жилетка в стороне тоже не остался. Азартно лупили, «ну да я сегодня уж привыкший», — как-то весело промелькнуло в мыслях Сергея.

После того как выбрался Сергей от новых знакомцев своих, какое-то время побродил по станции — авось Шурка покажется. Но не дождался и поплелся в сторону Мирного. К рассвету переступил порог своей квартиры. И быть бы на душе радости, да все о Шурке думалось.